

МАШИНЫ ВРЕМЕНИ

Виктор Ночкин

Виктор Ночкин

Машины времен

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9415992

Аннотация

В этот сборник включены рассказы, так или иначе связанные со временем. Первая часть – трилогия о рыцарях Хлама, которые стоят на страже цивилизации после Конца Времен, когда лишь хлам, оставшийся от великих предков, напоминает о прошлом. Вторая часть включает три рассказа, посвященных встречам людей разных эпох. Викинги, гангстеры, ведьмы, инквизиторы, скучающие рантье и беспокойные романтики... им предстоит столкнуться на перекрестках времени.

Содержание

Часть 1. Рыцари Хлама	4
Хороший зомби – мервый зомби	5
«Хороший зомби – мервый зомби»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Виктор Ночкин

Машины времен

Часть 1. Рыцари Хлама

После Конца Времен человечество погрузилось в варварство. И на страже цивилизации стоят лишь они – рыцари Ордена Хлама. Взяв за образец великих предков, эти отважные и благородные люди разыскивают и сберегают немые свидетельства, оставшиеся от прежней эпохи – Хлам Предков. Послушайте же три истории из полной опасностей жизни рыцарей хламовников!

Хороший зомби – мервый зомби

За дверью зашаркали, звук приближался... пришельцы остановились перед дверью. Кто-то громко чихнул. Вот и еще одного брата настигла лихая судьба.

– Входите! – крикнул Семь Протезов. – Я слышу ваши шаги.

Дверь с душераздирающим скрипом отворилась и в комнату по одному протиснулись трое. Рваное Ухо, Трехпалый и Бешеный Крыс. Вождь внимательно оглядел их – которого на этот раз? Бешеный Крыс чихнул.

– Он чихает, – грустно сказал Рваное Ухо.

– Он дышит, – зачем-то добавил Трехпалый.

– Он превращается в краснощекого, – печально заключил Семь Протезов.

– Я не хочу-у-у! – взвыл Бешеный Крыс. Спутники на всякий случай схватили его. – Я не хочу, не хочу, не хочу! За что! Почему это со мной!

Он бился в руках соплеменников, и из его глаз лились слезы – настоящие слезы. Он и впрямь превращался в краснощекого. Ужасное бедствие для истинного сына Великой Равнины.

– Ты не виноват, Бешеный Крыс, – тоскливо промолвил Семь Протезов. – Можешь оставаться с нами, сколько пожелаешь...

– Я не хочу! – выл Крыс.

– ...Но рано или поздно тебе придется уйти, – не меняя тона, закончил вождь. Все равно ты теперь не такой, как мы. Да и на шахте работать ты уже не сможешь. А чем еще здесь заниматься?

Крыс всхлипнул.

– Как это случилось?

– Я работал в забое, потом вдруг что-то произошло, да так быстро, что я и не успел сообразить... в меня что-то воткнули, потом... нет, не могу! Очнулся – лежу рядом с вагонеткой... и чихаю-у-у-у...

– И все?

– Еще я помню звук трубы. Сперва протрубила труба, а потом уже... – бедняга снова чихнул.

– Ступай, Крыс. У тебя насморк. Это, говорят, частенько случается с краснощеками.

Он встал и, не глядя на рыдающего Крыса, которого Рваное Ухо с Трехпалым выводили за дверь, подошел к грудке мусора в углу. Разгреб протезом хлам и вытащил большой лист фанеры. Положил на стол...

Семь Протезов думал о своей судьбе. У него отняли всё. Сперва у него отняли жизнь. Потом отобрали смерть. И все что осталось ему – родная земля да низкое, всегда налитое свинцом небо, да племя, то есть те, кто встал с ним на одном кладбище. Потом пришли краснощекие и вознамерились отнять даже это. Совет вождей постановил: сопротивляться захватчикам, и Семь Протезов тоже повел свой народ на войну. Тогда его звали иначе. В битве он потерял ногу, и его стали звать Протез. С тех пор протез ломался шесть раз, сейчас у него седьмой.

Наверное, когда-нибудь и этот, седьмой, не выдержит, тогда вождь сменит имя и его будут звать Восемь Протезов. Если прежде не приключился куда более страшное, чем потеря деревянной подпорки... Великое бедствие обрушилось на народ Семи Протезов! Раньше вождь умел сберечь народ. Когда война с краснощеками была безнадежно проиграна, и разгромленные племена отступили, он, Семь Протезов, сумел договориться с победителями. Ему и землякам позволили остаться на родном кладбище в обмен на уголь. В шахте то и происходили утечки природного газа, живые не могли работать на добыче, вот краснощекие

и позволили племени Семи Протезов трудиться в штольнях. Пока племя дает краснощеким уголь, их не сгоняют с родной земли. Сам шериф Саймон Глипсон обещал покровительство, а он – большой начальник среди краснощеких. Называется это по-новому – резервация.

И только показалось, что бытенье наладилось, как новая беда пришла к племени Семи Протезов. Беда невиданная, необъяснимая, а потому страшная стократ больше. Как можно сопротивляться тому, чего не понимаешь?

Семь Протезов достал баночку краски, облезлую кисть... подумал немного и стал писать, старательно выводя большие буквы.

* * *

Паровой дилижанс дал пронзительный свисток и выпустил к низкому свинцовому небу струю белого пара. Тяжелые колеса, окованные стальными полосами, провернулись еще немного и замерли, взрыхлив напоследок грунт, взметнулось облачко серой пыли. Заскрежетами сминаемые камешки, лязгнули металлические крепления, угольная тележка звякнула сцепкой и толкнула сзади... Дилижанс замер.

Салон покачулся, и пятеро пассажиров переглянулись. Рейсом Мусор-Сити – Красный Угол никогда не ездило много народу. Пятеро, это, можно сказать, довольно-таки порядочно.

На облучке, огражденном стальными листами, возница вглядывался в холмы справа от дороги. На нижней площадке кочегары отложили лопаты и, утирая потные лбы, взялись за винчестеры. Они всегда держали оружие под рукой – мало ли что случится в пути.

– Почему стоим? – окликнули из пассажирского салона.

– Засада в холмах, – лениво объяснил возница. – Пусть покажутся, кто таковы, там будет видно, сразу дальше двинем или сперва пострелять придется.

Пассажиры снова переглянулись. Двое рыцарей Ордена Хлама поднялись и откинули полы плащей. Двигались они как части единого механизма – будто нарочно повторяя один и тот же жест. На самом деле вышло случайно, отработанным движением орденские братья распахнули широкие белые одеяния, помеченные – на спине и на груди слева – черными квадратами, символами веры. Ладони одновременно опустили на рукояти кольтов.

Попутчики хламовников вели себя не так решительно. Тощая востроносая девица пискнула, вжимаясь в деревянную спинку сиденья, осанистый мужчина с большими усами завопил на месте, поглубже записывая под себя объемистый саквояж, а его спутница, тетка с квадратным потным лицом, привстала, потянулась к верхней полке, нащупала дробовик в чехле и протянула мужу прикладом вперед. Тот убедился, что драгоценный саквояж упрятан надежно и принял оружие. Но к окну не совался.

Тем временем на гребень холма въехал всадник и остановился в картинной позе, уперев длинное ружье в бедро. Одет он был во все черное, и крысюк под ним был покрыт попоной – некогда черной, но давно уже превратившейся в пропыленные лохмотья.

– Здорово, Винс, – окликнул он возницу.

– И тебе того же, Черный Боб!

– А как ты понял, что я стою в засаде, Винс?

– Когда твои парни перестанут курить, а крысюки под ними перестанут гадить, тогда сможешь меня обмануть, – ответил тот. – Я увидел полосу крысиного помета, уходящую за холм, потом увидел столб табачного дыма за холмом. Тогда я хорошенько принюхался и уловил вонь.

– И чем же это воняло, Винс?

– Тобой, Черный Боб! Ты смердишь, как покойник, как проклятый зомби! Может, ты умер, и в твою могилу ударила живомолния?

– Тебе и твоим друзьям из Мусор-Сити придется крепко попотеть, чтобы прикончить Черного Боба, – гордо ответил бандит. – Ладно, хватит пустого треп. Что везешь?

– А тебе зачем?

– Хочу прикинуть, стоит ли добыча того пороха, который я изведу, чтобы добраться до нее. Порох нынче в цене.

Крысук под бандитом пискнул.

– Порох всегда в цене, – ответил возница. – Нынче я налегке. Вот разве что пассажиры...

– Пассажиры? – Черный Боб оживился. – А бабы есть? Молоденькие? Хорошенькие? Ласковые? Я бы прилег с такой, нынче у меня подходящее настроение.

Востроносая девица съежилась на сиденье и вжалась в самый угол салона.

– Есть пара рыцарей Хлама, – выкрикнул один из хламовников, молодой высокий блондин атлетического сложения. – Хочешь улечься? Я тебе это устрою!

Он выглянул в окно и поднял колыт. Черный Боб оценивающе осмотрел рыцаря и буркнул:

– Ладно, проезжайте. Что за горячий народ эти хламовники... Только захотелось поболтать с Винсентом... когда еще встретишь приличного собеседника в этой глухомани...

Бормоча, он развернул крысюка и исчез за холмом. Вскоре раздался его голос, приглушенный земляным скатом:

– Эй, сваливаем! Здесь нечего ловить, дилижанс идет порожняком.

Ответом ему был хор разочарованных мужских голосов и шорох камешков под крысиными лапами, банда убралась.

Возница Винсент снова дал гудок, кочегары на нижней площадке отложили винчестеры и взялись за лопаты.

Толстый мистер, пыхтя, засунул дробовик в чехол и встал, чтобы уложить оружие на полку. Девица снизу вверх заглянула в мужественное лицо блондина и с чувством произнесла:

– Ах, вы такой храбрый!

– Нет, мисс Конни, – улыбнулся тот, – я всего лишь исполняю свой долг. Долг рыцаря Хлама – давать отпор всякому злу, во славу предков, которые были благи и мудры.

Пассажиры уже успели перезнакомиться в пути. Девицу звали Конвергенция, она выросла в сиротском приюте, одном из многочисленных учреждений, открытых Орденom. Там воспитанникам давали такие имена – длинные красивые слова, оставшиеся в книгах предков, но исчезнувшие из повседневного обихода. Представившись, девица попросила называть ее Конни, и всю дорогу не сводила глаз с красавца рыцаря. Его звали Гектор.

– Давать отпор злу можно и без всяких красивых слов, – буркнул спутник Гектора, низенький толстячок по имени Бутс. – Этот Черный Боб был у меня на прицеле, и если бы ты его не спугнул...

– Мы уже подъезжаем! – объявил усатый толстяк, выглянув в оконце. – Я вижу блеск шпиля на Красноугольской мэрии. Мисс Конни, если желаете, я провожу вас к месту будущей работы, когда доберемся.

– Когда доберемся, тебе нужно будет позаботиться о багаже, – напомнила жена уса-того. – Да и нечего там провожать, слава предкам, наш Красный Угол – вовсе не большой город, мисс Конвергенция здесь не заблудится. Тем более, от вокзала до школы всего два квартала, да площадь пересечь. И никаких опасностей.

Востроносая Конвергенция ехала в Красный Угол, чтобы работать учительницей в открывающейся там школе. Она впервые покинула приют, и очень волновалась – как-никак она одна в чужом городе! Однако спорить не стала. Заявила только:

– А хоть бы и опасности! Если в городе будут рыцари Хлама, мне бояться нечего.

– Они там будут, смею вас уверить, – пробурчал коротышка Бутс, – особенно один, весь такой из себя красавчик.

* * *

В славном городке Красный Угол вокзалом назывался длинный приземистый сарай, большую часть которого занимал угольный склад. Единственный товар, который Красный Угол мог предложить Великой Равнине – это уголь. Здешнее месторождение считалось богатым, антрацит залегал широкими пластами неглубоко, но разработку затрудняли обильные выходы газа. Вот шериф Глипсон и добился, чтобы рядом с городком образовали резервацию, да и всячески оберегал племя Семи Протезов. Зомби не дышат, они могут добывать уголь в загазованных штольнях – именно этим и объяснялось доброе отношение Глипсона к мертвякам. Еще бы – шерифу принадлежало восемьдесят процентов акций компании «Красноугольский уголь».

Сейчас он стоял у вокзала на широком дощатом помосте, к которому катил дилижанс. Глипсон, крупный важный мужчина, застыл как изваяние и спокойно глядел на приближающийся паровик. Рядом с ним переминался с ноги на ногу тщедушный старичок, глава местного представительства Ордена, по имени Остис. Помощники шерифа, крепкие парни при оружии, расположились поблизости в тени. Перед вокзалом раскинулась городская площадь.

Площадь окружали двухэтажные здания – мэрия, тюрьма, салун, гостиница, цирюльня, приходский храм Ордена и торговые заведения, проще говоря – лавки. День нынче был не базарный, и площадь пустовала, тем больше выделялась толпа мужчин в бурых накидках. Они помалкивали, сосредоточенно разглядывая вокзал и катящийся к нему паровик. Эти были вовсе не похожи на праздных зевак, какие иногда собираются к приезду дилижанса за неимением иных развлечений. Возглавлял эту компанию пожилой сухопарый мужчина, такой тощий, что казался умирающим от голода дистрофиком.

Дилижанс подкатил к помосту и остановился, Винсент дал свисток. Первым на помост выбрался уса́тый мистер с саквояжем. Огляделся, подал руку жене. Старичок хламовник в белом плаще нетерпеливо подался вперед – он знал, что этим рейсом прибывают двое братьев рыцарей. Собственно говоря, Гектор с Бутсом приехали по его вызову. Вот на помост выбрался Гектор, помог сойти Конни, следом на доски прыгнул Бутс.

– Брат Гектор и брат Бутс! – старик направился к прибывшим. – Заждался вашего приезда, ох, заждался... У нас тут такое творится!

– Сейчас расскажете, – остановил старика Гектор. – Сперва устроим мисс Конни. Она будет учительницей в здешней школе.

– Я распоряжусь, чтобы ее проводили, – обернулся к ним шериф. Перед этим он обменивался приветствиями с уса́тым мистером – редактором местной газеты, который ездил в Мусор-Сити за новыми шрифтами. Над ними он и дрожал всю дорогу – Эй, Питер!

Здоровенный парень в кожаной безрукавке, украшенной жестяной звездой, выступил из группы приятелей.

– Питер, проводи учительницу и будь вежлив с ней. А остальные пусть собирают людей на погрузку угля. Винсент, сколько ты прстоишь у нас?

– До утра. Похоже, гроза собирается, – ответил возница. – Пусть ночью пройдет непогода, а поутру разведем пары.

Все дружно уставились вверх – поглядеть на свинцово-серое низкое небо. Воздух над городом так сгустился, что казался плотным, даже твердым. Похоже, и впрямь собиралась гроза.

– Что ж, – кивнул шериф Глипсон, – значит, можно не спешить, у нас время до утра. Идемте, господа хламовники, я помогу почтенному Остису ввести вас в курс дела. У нас немало слышали о ваших похождениях, добрые рыцари.

В толпе бурых накидок тоже обсуждали прибывших.

– Зовут их брат Гектор и брат Бутс, – рассказывал тощему жожаку молодой сутулый парень в треснувших очках, подвязанных веревочкой. – Я читал, это эта парочка выполняет всякие особые задания ордена Хлама. Трудные задания, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Я понимаю, – проскрипел тощий, – это значит, что Орден не на шутку обеспокоен тем, что мы несем людям слово правды, несем как факел среди мрака лжи и мрака, которым затопили страну хламовники. – Что еще о них известно?

– Подробностей разузнать я не успел, – потупился парень. – Вроде бы, один из них отменный боец, а другой очень умен.

– Голова и кулак, – кивнул тощий. – Что ж, кулаки у этого молодчика и впрямь здоровенные.

Он разглядывал Гектора, который выделялся ростом даже рядом с шерифом и его помощниками – плечистыми парнями.

– Но голова важнее. Вон тот толстяк – мозг их команды. Мы выведем его из игры. Но не сейчас, а в самый последний момент, чтобы красавчик не успел ничего придумать. Да протрубят трубы!

– Да протрубят трубы! – нестройным хором пробубнили спутники аскета.

* * *

Хламовники и шериф с подручными зашагали через площадь, толпа в бурых накидках провожала их взглядами.

– Так что у вас стряслось? – заговорил Гектор. – Вы донесли в Мосор-Сити, что в городе появилась опасная секта?

– Да вон они, глазуют нам в спины, – тщедушному Остису пришлось семенить, чтобы поспеть за размашисто шагающим блондином. – Вон те, в накидках с капюшонами. Их глава, которого они именуют Зрящим, утверждает, что наше учение ложно! Святотатец, он предрекает скорый Конец Времени! Как будто это бедствие не случилось, как будто Великая Битва Добра со Злом не была выиграна для нас, недостойных, благими предками! Ересь! Ересь и святотатство!

– Не он первый, не он последний, – флегматично заметил Бутс. – Мало ли таких лжепророков являлось до вашего Зрящего?

– Этому верят, – уныло объяснил Остис. – Год назад он явился в Красный Угол в одиночку, а теперь полюбуйтесь, скольких ему удалось склонить на свою сторону. Его учение прельщает слабых духом. Ин нравятся слова Зрящего насчет того, что можно не работать, потому что Конец Времени грядет, и нет смысла собирать сокровища земные на этом свете.

– Конечно, куда проще поделить то, что заработано другими, – поддакнул шериф.

– Они воруют? – Гектор оглянулся и обнаружил, что толпа в бурых накидках увязалась за ними, хотя и соблюдает довольно большую дистанцию. – Кстати, куда вы нас ведете?

– Недавно неизвестные ограбили представительство Ордена, – пожаловался Остис.

– Воров ищем, – вставил Глипсон. – И непременно найдем. Я думаю, вам сейчас следует осмотреть большой зал мэрии. Там состоится диспут.

– Диспут?

– Зрящий вызвал нас на диспут о Конце Времени, – снова заговорил престарелый хламовник. – Потому я и обратился в представительство Ордена, чтобы прислали оратора, кото-

рый бы выступил от нас. Я и сам мог бы, но Зрящий необычайно убедителен. Но, может, сперва посетите наше скромное отделение?

– Нет, я хочу сразу перейти к делу, – решил Гектор, – покажите зал... в мэрии, говорите? А кто у вас мэр? С ним следует переговорить.

– Он скончался три дня назад, – буркнул шериф, – я временно взял на себя обязанности по управлению городом. Выборы через три дня. И если мы не изгоним Зрящего с его прихвостнями из Красного Угла, легкомысленная часть общины вполне может проголосовать за него.

– За него, а не за вас, шериф? – Бутс ухмыльнулся.

– Если народ изъявит волю, я, со своей стороны, готов принять этот пост, – с достоинством согласился шериф.

– А прежний мэр... – задумчиво произнес Гектор. – Его смерть... в свете растущей популярности Зрящего...

– Мэр скончался естественной смертью, если вы об этом, – ответил Глипсон. – Смерть от белой горячки в наших краях считается естественной.

– Он наслушался проповедей Зрящего, – поддакнул Остис, – вот и запил. Но мы пришли, вот мэрия. Идемте, я покажу вам зал.

Помощники шерифа остановились у дверей, многозначительно поглядывая на толпу сектантов. Хламовники и шериф вошли в задние мэрии, увенчанное башней, над которой торчал длинный шпиль громоотвода, почерневший от многочисленных разрядов, которые обрушили на него небеса. Зрящий со своими остановился в двух десятках шагов от мэрии и заговорил:

– Братья, поступим следующим образом. Мелкого хламовника нужно под каким-либо предлогом выманить наружу и взять в оборот. Вот, к примеру, ты, Лидий.

Твердый тощий палец пророка устался в грудь молодому сектанту в очках, тому, что рассказывал о прибывших хламовниках.

– Но я не так силен телесно, чтобы... – забубнил Лидий.

– Не говори ерунды. Тебе нужно всего лишь подойти к толстому рыцарю и попросить его выйти из здания. Скажешь, что ты и несколько твоих друзей сомневаются в моих словах и тебе страсть как охота немедленно получить разъяснения относительно Конца Времени. Намекни, что ты готов предать меня, на это хламовник обязательно клюнет! А когда он выйдет из мэрии...

Зрящий многозначительно оглядел сектантов. Несколько человек кивнули в ответ.

– Но не позволяйте себе лишнего, братья, не грешите сверх меры. Помните, Конец Времени близок! Нужно всего лишь, чтобы этот человек не присутствовал на диспуте.

Пока Зрящий наставлял паству, Гектор осматривал большой зал. Это было просторное помещение прямоугольной формы, большую часть которого занимали скамьи. В дальнем конце был помост высотой по колено.

– Нет, это не годится, – вынес вердикт хламовник. – Нужно все развернуть, скамьи поставить вот так, не поперек, а вдоль. Тем, кто сядет с краю, будет немного хуже видно, зато свет из окон будет падать вот так. Еще мне понадобятся фонари и зеркала.

– Фонари и зеркала? – удивился Глипсон.

– Да. Масляные светильники, подсвечники, эти новомодные электрические фонари – все, что сыщете. Разместите их вот в каком порядке...

Гектор подробно расписал, как следует выставить источники света и как разместить за ними зеркала. Его объяснения прервало появление помощника шерифа.

– Там один из этих, которые со Зрящим, – объявил парень. – Мы не пропустили, потому что зал готовим к диспуту, никто не должен мешать.

– А он? – живо спросил Гектор.

– Не желает подчиняться. Говорит, ему срочно приспичило получить наставление приезжего хламовника. Будто ему Остиса мало.

Гектор обернулся к Бутсу:

– Это за тобой.

Коротышка объявил:

– Я, пожалуй, пройдуся. Подышу свежим воздухом, то да се... заодно вразумлю эту заблудшую душу.

– Скорее, тебе придется вразумлять несколько душ, – напутствовал его Гектор.

– Вразумим, – пообещал, выходя, коротышка, – не впервой.

– Я думаю, диспут следует устроить именно сегодня.

– Мы думали, вы сперва пожелаете отдохнуть с дороги, смыть пыль, – пролепетал Остис.

– К тому же сегодня может случиться гроза, небо хмурится, – добавил шериф.

– Ничего, ничего, сегодня – самое подходящее время! Отправьте приглашение Зрящему и известите горожан. Как только расставят лампы и зеркала, можете открывать зал для зрителей.

* * *

Бутс шагал за парнем в очках. Тот семенил впереди, то и дело озираясь – как там хламовник, идет ли? А Бутс шагал себе вразвалочку, откинул полу плаща, вытянул плитку жевательного табака, отломил кусок и кинул за щеку. Стал жевать, поминутно сплевывая. Свернул за угол вслед за провожатым, потом снова – и так, покуда очкарик не привел его в глухой закоулок. Домишки теснились друг к другу, подпирали соседей облупленными стенами. Окон здесь не было – сплошь сараи и заборы.

Этот тупик местные использовали как свалку, так что справа и слева громоздились бочонки с продавленными обручами, покореженные ящики, груды золы и гнилая кожура. Ну и воняло здесь соответственно. Тут только очкарик остановился.

– Здесь, что ли, наставления тебе давать? – благодушно осведомился Бутс. – Ну и местечко ты, паренек, выбрал. Из-за груд отходов вышли четверо сектантов, помахивая дубинками. Очкарик навел на Бутса неуклюжий пистолет и сказал:

– Оружие не хватай, не то стрельну! Тихонько пойдешь с нами и тогда не пострадаешь.

За спиной толстого хламовника послышалось сиплое дыхание. Тот не оборачиваясь, ткнул назад локтем, угодил под дых парню, который подкрадывался сзади. Сектант ахнул и сложился пополам. Взметнулись полы белого плаща, Бутс ловко нырнул под руку противнику, мигом оказался у того за спиной и выдернул из ослабшей руки дубинку. Очкарик растерялся – стрелять он не мог, Бутс заслонялся хрипящим сектантом, да и не хотелось стрелять – велено все сделать без шума... Пока сектант раздумывал, хламовник толкнул пленника к вооруженному очкарику, два сектанта столкнулись и свалились в грязь, а Бутс бросился на остальных, размахивая трофейной дубинкой...

Как раз в это время Гектор оглядел преображенный зал и удовлетворенно кивнул:

– Впускайте зрителей.

– А ваш друг, мистер Бутс? – на всякий случай уточнил Глипсон.

– Он появится, когда закончит работу. Ну а если что, мы отыщем его по плевкам. Он жует табак и сплевывает через три шага. Так мы с ним уговорились. Табачные плевки хорошо заметны.

– Как скажете, – кивнул шериф. – Я велю своим парням быть наготове. Вдруг сторонники Зрящего захотят устроить потасовку?

– Мы позаботимся о том, чтобы они ничего такого не захотели. Бутс сейчас как раз этим и занимается.

Зрящий получил два сообщения почти что одновременно: сперва – что толстый хламовник пошел с его людьми, и тут же явился помощник шерифа с приглашением на диспут. Пророк победоносно оглядел братьев по вере и объявил, что правое дело торжествует. Теперь не придется удерживать хламовника в плену несколько дней, как предусматривал первоначальный план. Зрящий предполагал, что исчезновение главного оратора заставит оппонентов оттягивать диспут, а он, Зрящий, будет требовать обещанного состязания немедленно... но самонадеянный противник поторопился. Теперь хламовникам уже не отвертеться – сами виноваты, нечего было спешить с вызовом.

Когда он появился на площади, горожане уже собирались к зданию мэрии. Помощники шерифа просили маленько погодить – приготовления уже заканчиваются. Зрящий понял так: хламовники надеются, что пропавший толстяк вот-вот объявится. Он двинулся через площадь, среди расступающихся людей, изрекая на ходу постулаты своего учения: Конец Времени близок, отриньте суету, бросьте мирские заботы, думайте о предстоящей битве со Злом...

Тут помощник шерифа по имени Питер вышел на крыльцо и громко объявил: можно входить!

* * *

Большой зал едва вмещал всех желающих. Люди расселись на скамьях, женщины шуршали широкими юбками, мужчины ворочались на скрипящих под их весом скамьях, оправляя выходные сюртуки – все приоделись по случаю общегородского собрания. Последователи Зрящего держались особняком, они собрались вокруг вожака, а тот сидел ровно, как будто проглотил лопату и разглядывал наспех сколоченный помост, где предстояло выступить ему и представителю Ордена. Свечи и лампы ярко горели, под потолком клубился дым, а за окнами сгущался сумрак – похоже, в самом деле нынче будет гроза. Кое-где позади особенно ярких светильников Гектор расставил зеркала, и собранный ими свет пересекал зал, как опрокинутые колонны из белого сияния.

Горожане переговаривались, в ожидании начала представления. Со всех сторон сыпались шуточки, сторонники и противники секты беззлобно задевали друг друга. Глипсон расположился на подиуме в ярко освещенном углу и не без тревоги разглядывал сограждан, которым через три дня предстояло поддержать либо отвергнуть его кандидатуру на выборах мэра. Шериф слушал выкрики в зале, и его пугало то, как благодушно люди Красного Угла относятся к сектантам. Это грозило осложнениями на выборах. Рядом с ним сидел Остис, а Гектор куда-то скрылся, сказав, что явится, когда его призовут выступать. Гомон в зале нарастал, голоса звучали все резче и громче – люди собрались, и теперь возбуждались все больше и больше, как обычно и выходит, когда сходится такая толпа.

Вот старенький хламовник обернулся к шерифу и громко, чтобы перекрыть шум голосов, сказал:

– Мы можем начинать!

Глипсон занес молоток и громко стукнул по столу. Зрящий, только этого и дожидавшийся, вскочил, будто подброшенный пружиной, и широко шагая, двинулся через зал. Полы накидки взлетали, как крылья, в зале, пронизанном яркими лучами света и наполненном празднично одетыми людьми, обтерханное одеяние пророка казалось грязным и неуместным.

Вот он взошел на кафедру и оглядел зал. Глаза его сверкали на изможденном лице. Те, на кого падал взор пророка, тут же смолкали, будто придавленные тяжестью этого взгляда. Вскоре стало совсем тихо, и за окном пророкотали раскаты грома – пока что где-то вдалеке. Гроза приближалась к городу.

– Открылось мне, – медленно заговорил Зрящий, – открылось потаенное и неотвратимое... Близок Конец Времени, близка последняя битва. Восстанут силы Зла и обратятся на нас, грешных!

Откровения Зрящего звучали не впервые, всем, кто сидел в зале, уже не раз доводилось слышать его пророчества, но сейчас все внимали молча, затаив дыхание – такой силой обладал взгляд и голос аскета. Он говорил и говорил, медленно, размеренно, сперва тихо, потом сила голоса стала нарастать. Он вещал о том, какие бедствия обрушались на головы недостойных, тех, кто заботился о мирских благах, забывая про душу. Живописал картины смерти и разрушения, когда сойдутся в схватке Добро со Злом.

– И тогда каждый боец будет на счету, – глас Зрящего клекотал, бился о стены зала, вяз в кубах дыма под сводами, – с каждого спросится, и каждому придется нести ответ за свои деяния! Каждому!

В зале заплакала женщина, потом другая... мужчины ерзали на жестких скамьях и прятали глаза, опасаясь огненного взгляда пророка. За окнами снова прогремело – теперь ближе. Потом еще раз... а Зрящий все пугал и пугал ужасами Конца Времени.

Когда он закончил, женщины уже отрыдали и теперь только всхлипывали в платочки.

– Зря мы дали ему выступать первым, – прошептал шериф на ухо Остису.

Тот пожал плечами:

– Так велел Гектор. Я слышал, что он знает толк в прениях с еретиками... Ваши люди помнят, что им нужно сделать?

– Я сейчас сам обойду их и проверю... возьмите молоток, подадите дадите сигнал вместо меня.

Шериф, вжимая живот, выбрался из-за стола, а Остис привстал, высматривая собрата. Гектор ожидал своего выхода в боковой комнате. Вот он появился в дверях и кивнул. Пожилой хламовник стукнул молотком, а помощники шерифа, проинструктированные заранее, слегка повернули зеркала, установленные позади светильников. Лучи сместились и образовали яркую дорожку от дверей, где возник хламовник, до кафедры. Гектор двинулся по дороге света, и, глядя на него, жители приободрились. Выглядел красавец великолепно, в белом плаще, высокий, статный, кудрявый. Он шел, облитый сиянием, и один его вид вселял бодрость в горожан. А женщины просто млели, разглядывая чудесного рыцаря.

Гектор встал на кафедре, и лучи света окружили его, а танцующие в лучах пылинки образовали искрящийся ореол вокруг белокурой головы.

– Кажется, гроза прошла стороной, – широко улыбаясь, – произнес Гектор. – Гремит уже тише.

И от этой улыбки всем стало радостно и легко на душе. Жители Красного Угла с трудом сдерживались, чтобы не вскочить с мест и не броситься обнимать хламовника, как будто именно он отвел грозу от города и спас их от Конца Времени, предсказанного Зрящим.

– Я благодарю человека, выступившего до меня, – с той же приязненной улыбкой продолжил Гектор, – он весьма красочно описал бедствия, пережитые нашим несчастным миром, и отведенные от нас великими предками. Конец Времени наступил, и великая битва с силами Зла прогремела... она была выиграна великими предками! Ради нас! Великие предки сражались и победили!

Зал взорвался овациями. Гектор развел руками, Остис несколько раз стукнул молотком, прежде чем шум пошел на убыль. После этого Гектор стал рассказывать, как сражались

предки со Злом, как Зло атаковало отовсюду – с небес, из-под земли, из воды и воздуха. Повсюду был яд и грех, но предки не сдались и выиграли свою битву.

– ...Что же осталось нам? – продолжал он. – Вести праведную жизнь, пользоваться благами мира и по мере сил стараться восстановить тот мир, который погиб. Битва со Злом была тяжелой и кровопролитной, она унесла жизни великих предков, их души вознеслись к небесам и слились в ноосфере, потому наши небеса темнее и плотнее тех, что мы видим на воскресных службах в храме, когда включаем Священный Телевизор. Плотность витальных и интеллектуальных эманаций, скопившихся в ноосфере после битвы Добра со Злом, такова, что небеса переполнены ими. И во время грозы молнии, сиречь электрические разряды, становятся проводниками, воротами между миром душ и нашим дольным миром, тогда-то некоторые молнии оказываются живомолниями и несут витальную силу предков сюда, к земле.

Гектор вскинул руки, простирая ладони к зрителям. Будто в ответ на его слова за окном снова зарокотало – теперь уже совсем далеко, гроза удалялась. Открылась дверь, и вошел, помахивая дубинкой, Бутс. В его сторону никто не смотрел, все сидели спиной к дверям, вошедшего видел только Гектор. Бутс перехватил его взгляд и кивнул. Потом бочком, вдоль стены направился к боковой комнате. Ему было необходимо привести в порядок порванную и выпачканную одежду.

– Нам же остался Хлам предков, которые выиграли битву для нас, – немного тише продолжил Гектор. – Мы обязаны бережно собирать его, хранить и почитать, потому что в нем – память об ушедших и образец для подражания. Помните: их души глядят на нас с небес. Трудитесь честно и старательно, посещайте воскресные службы в храмах, смотрите Священный Телевизор, проникайтесь благой жизнью предков и стремитесь к такой. Кстати, приглашаю всех присутствующих на воскресную службу. Мы с братом Бутсом привезли новый Молитвенный Ролик. О Жевательной Резинке!

Бутс скрылся за дверью.

– Жевательная Резинка! – энергично повторил молодой хламовник. – Откройте для себя важный аспект жизни предков! Очищает полость рта и освежает дыхание!

– Это ложь! – выкрикнул Зрящий. – Не было никаких предков, это вы сами все придумали, чтобы обманывать простаков! Вы сами сделали эти вещицы, якобы принадлежавшие предкам! И Молитвенные Ролики делаете сами! А Конец Времени грядет! Грядет, говорю вам! Трубы протрубят! Вы все услышите их зов!

Теперь крики пророка не производили прежнего эффекта. После того, как люди Глипсона повернули зеркала, получилось, что Зрящий сидит в тени. Крики из темного угла неслись к Гектору, окруженному столбами света. Казалось, хриплые вопли аскета ударяются в светящиеся стены и отскакивают. Гектор снисходительно улыбнулся.

– Любому из нас доводилось откапывать в земле или находить в заброшенных руинах Хлам предков. Неужто Орден позаботился о том, чтобы зарыть и припрятать повсюду священные реликвии? А небо? Посмотрите, как выглядело небо предков! Священные Ролики показывают нам небо высоким и голубым. А сейчас? Сейчас, когда небосвод населен тысячами и тысячами душ, которые единовременно унесла великая битва?

Зрящий в темном углу хрипло выкрикивал: «Обман! Вы сами изготовили Священные Ролики!» – но его уже никто не слушал. Многие принялись рукоплескать Гектору, а тот с улыбкой разводил руками – дескать, я бы продолжил говорить, но шумно...

Зрящий вскочил с места, его приспешники тоже поднялись. Пророк направился к выходу, сердито выкрикивая на ходу:

– Вы еще убедитесь! Вы увидите! Знамения! Знамения множатся! Близок Конец Времени! Не собирайте сокровищ на земле! Не верьте Молитвенным Роликам! Знамения! Подтвердят мою правоту!

В дверях он столкнулся с парнем в очках – тем, который накануне увел Бутса. Сектант держался за голову и стонал, левое стеклышко в очках было разбито, и белая паутина трещин смотрелась особенно ярко на фоне громадного лилового кровоподтека, расплывающегося вокруг глаза.

– Наставник... – пробормотал парень. – Этот хламовник...

– За мной! – сердито рявкнул Зрящий. – Прочь из этого проклятого городишки. Прочь от этих ничтожных людишек, прельстившихся Жевательной Резинкой!.. Сами позовут меня, когда увидят знамения!..

* * *

После того, как сектанты убрались, зал еще долго шумел. Глипсон вернулся за стол, отобрал молоток у Остиса и принялся колотить, но шум уже не унимался. Обыватели радовались, что Конец Времени не произойдет, потому что он уже состоялся, это было просто и понятно, в такое всегда легко веришь. Тем более, если тебе это доказывают так ловко, де еще если доказывает такой славный парень, как рыцарь Гектор. Убедившись, что толпу не унять, Глипсон уgomонился и просто показал Гектору большой палец.

Наконец рукоплескания и приветственные вопли пошли на убыль, но покинуть кафедру Гектору не дали – горожане желали послушать еще. Тогда хламовник заговорил. Он рассказывал, как велики были предки, как силен был их дух, и как этим духом переполнилась атмосфера в тот день, когда Конец Времени не состоялся, и великая битва унесла жизни несметного числа воинов Добра. Гектор рассказывал, что Молитвенные Ролики составляли неотъемлемую часть жизни предков, по ним люди прошлого учились жить, с ними сверяли каждый шаг, и потомкам следует поступать так же. Заодно снова пригласил всех на воскресную службу, и снова был награжден аплодисментами. Многие женщины в зале прослезились и нашли, что хламовник – точь-в-точь один из предков, которых можно видеть в Молитвенных Роликах. Особенно, когда улыбается. Конни сидела в первом ряду, хлопала громче всех и взахлеб рассказывала соседкам, что она приехала в Красный Угол одним рейсом с хламовниками, и что рыцарь Гектор разогнал банду Черного Боба.

Когда за окном стемнело, а Гектор слегка охрип, народ наконец уgomонился. Но и после этого разошлись обыватели не сразу – многие мужчины хотели напоследок пожать рыцарю руку, женщины желали поблагодарить его за душеспасительную проповедь... В общем, зал опустел лишь ночью.

Глипсон вызвался проводить хламовников в представительство Ордена, где им уже приготовили комнату. Как-то само собой получилось, что и мисс Конвергенция оказалась в этой компании – ее устроили в здании школы, а это было по дороге. Сперва шериф нахваливал ораторские способности Гектора, обещал, что его парни присмотрят за сектантами – чтобы не вздумали устроить западню рыцарям.

– Это спасибо, конечно, за такую заботу, – подал голос Бутс, который до сих пор помалкивал, – но не очень-то они западню устроят после полученной взбучки. Я крепко поколотил этих парней. Полагаю, это остудит их пыл.

– Да? Хм... – шериф слегка замялся, разговор-то он продумал заранее, хотел посулить помощь и только после просить об ответной услуге. Но смутился Глипсон недолго и мигом перешел к делу.

– Не выручите ли нашу общину еще в одном деликатном вопросе?

– Выручать прихожан – наш долг, – объявил Гектор. – Что у вас стряслось?

– Серийный маньяк... Мисс Конвергенция, вот и школа. Желаю доброй ночи.

Конни не хотелось расставаться с новыми друзьями, в особенности – с отважным рыцарем Гектором, но навязывать свое присутствие мужчинам, обсуждающим дела, было бы с ее стороны не деликатно, правила поведения в приюте ей вдолбили накрепко.

Когда девушка покинула компанию, Глипсон стал заговорил свободнее.

– Здесь неподалеку есть шахта, при ней – заброшенный поселок. Я добился, чтобы зомби, вставшим на тамошнем кладбище, позволили остаться у родных могил. Выхлопотал для их общины право на резервацию. На федеральном уровне!

– Вы добрый человек, – заметил Бутс.

– Да, я таков, – не стал спорить шериф. – Ну и вообще, я опекаю бедных зомби, позаботился о том, чтобы они были при деле, организовал компанию, выкупающую у них уголь... слежу, чтоб никто не обижал мертвяков. Ну, вы понимаете?

– Акционерное общество «Красноугольский уголь», – ответил Гектор. – Я наводил справки. И так? Что за маньяк там завелся? Убийца? Насильник? По отношению к зомби эти преступления кажутся невероятными.

– В том-то и дело! – с досадой буркнул Глипсон. – Их оживляют! А для зомби обрести жизнь – все равно что для нашего брата убийство. Взялись бы вы изловить маньяка, а? Разумеется, щедрые пожертвования в пользу ордена Хлама...

– Разумеется, – перебил Гектор. – Пожертвования – само собой. Но я готов взяться за это дело вовсе не из-за них. Уж очень интересное преступление, а, старина?

Бутс, к которому был обращен вопрос, пожал плечами:

– Решай ты. Мне все едино – что убийца, что оживитель.

– Я бы и сам занялся, да предвыборная кампания... в городе неспокойно, нужно следить за порядком, и еще эта эпидемия...

– Эпидемия? Тоже у зомби?

– Нет, это у нас, здесь. Люди теряют сознание, а когда их находят – не могут прийти в себя очень долго. Слабость, провалы в памяти... э, если вам интересно, побеседуйте с доктором Купертом. Он такие штуки объясняет лучше меня. Ну-с, мы на месте, вот и представительство Ордена. Остис, устраивайте гостей, а я, с вашего позволения, откланяюсь. Дела, дела!

* * *

Утром в представительство Ордена явился помощник шерифа Питер – крупный парень с навеки застывшим на лице флегматичным выражением. На этом большом и плоском лице флегматичному выражению было просторно. Глаза у Питера были маленькие, нос крошечный, но природа, поскупившаяся на эти детали внешности, с лихвой отыгралась на подборке, создав нечто выдающееся.

– Шефу нездоровится, – объявил Питер приезжим рыцарям. – Мне велено сопроводить вас в резервацию.

– Ах, – расстроился Остис, – я же собирался показать братьям Гектору и Бутсу мою коллекцию Хлама!.. То есть не мою, конечно, а принадлежащую здешнему представительству Ордена.

– Вы говорили, часть коллекции была украдена, – вспомнил Гектор.

– Ищем, – буркнул Питер, преступая с ноги на ногу. Ему не терпелось проводить приезжих в поселок углекопов и освободиться. – Ну так что, в путь? Я уж крысюков оседлал, ждут у входа.

– Мы непременно осмотрим вашу коллекцию, брат Остис, – заверил Гектор, – когда управимся с делом.

Они с Бутсом уже успели наскоро обсудить ситуацию. В городке всем заправляет Глипсон, его расположение – залог процветания представительства Ордена. Значит, это самое расположение нужно всячески укреплять и поддерживать.

У дверей здания хламовников ждали оседланные крысюки и мисс Конвергенция. Девушка, краснея и смущаясь, отозвала Гектора и прошептала:

– Дорогой мистер Гектор, прошу вас, будьте осторожнее! О зомби рассказывают всякие ужасы.

– Я всегда настороже, мисс Конни, – заверил красавец хламовник, – а в здешней резервации проживают мирные зомби. Они оставили дикие повадки и заняты общественно полезным трудом.

– И еще... я не знаю, как сказать... в общем, я заметила кое-что странное. Видите ли, меня поселили в здании школы, а там неподалеку салун...

– Скверное соседство, – заметил Гектор. – Плохой пример для юных граждан Красного Угла!

– Сперва я тоже так подумала, но школа открыта с утра, а посетители сходятся в салун лишь под вечер. Да и они не совсем рядом, салун со школой, это только мое окно выходит в ту сторону... Однако я хотела сказать кое-что другое. Вчера мне не спалось, я сидела у окна и слушала, как в салуне шериф празднует победу. По правде говоря, это ваша победа, мистер Гектор, но он праздновал ее как свою. Нет, нет, не перебивайте, я и так не знаю, сумею ли описать то, что видела. Из салуна вышел человек, он был изрядно пьян, судя по походке. Он брел по улице, проковылял у меня под окном, и тут я заметила, что его преследуют!

– Преследуют? Едва ковыляющего пьяницу?

– Возможно, я неудачно выразилась... Вернее сказать, за ним следили. Двое.

– Вот как... рассказывайте, мисс Конни, рассказывайте, что было дальше!

– Эти двое, на них были накидки с капюшонами.

– Бурого цвета?

– Увы, они держались в тени, я различала только силуэты. Один из них нес какой-то ящик или коробку, я не разобрала впотьмах, но что-то громоздкое и тяжелое. Потом пьяный свернул за угол, эти двое – следом. Потом я увидела отблески. Как будто что-то сверкнуло за углом.

– Там, куда свернул пьяный и преследователи?

– Да. Именно так. И еще... боюсь, мне только почудилось...

– Ничего, рассказывайте смелей!

– Мне слышался звук трубы!

Тут Гектора окликнул Питер:

– Эй, мистер, мы едем или как? У меня еще дел по горло!

Хламовник пожал руку мисс Конни, от чего ее щеки зарделись ярче прежнего, и торжественно заверил, что они еще непременно побеседуют, когда он возвратится из поселка углекопов и что его ужасно заинтересовала эта история. Когда сядились в седла, прибежал запыхавшийся редактор, давешний попутчик. Он вручил Гектору несколько листов:

– Дорогой мистер рыцарь, я взял на себя смелость стенографировать вашу вчерашнюю речь! Проглядите текст, сделайте милость. Если все в порядке, я размещу это как передовицу в воскресном номере «Красноугольских ведомостей»!

Бутс сунул за щеку порцию жевательного табака и заявил:

– Я очень рад, что уродился не таким умником, как ты. Мне живется куда спокойней. А к тебе то и дело лезут с разговорами.

– Я бы согласился с тобой, приятель, – кивнул Гектор, укладывая рукопись во внутренний карман плаща, – но иногда разговор может оказаться весьма кстати.

И бросил взгляд на мисс Конни. Та улыбнулась и помахала хламовнику рукой.

Дорога к поселку углекопов петляла между холмами. Питер, почесывая необъятную челюсть, пояснил, что паровик здесь не пройдет, поэтому уголь возят в Красный Угол на крысюках, а оттуда забирают раз в месяц. Ну и или, как нынче, при okazji прицепляют грузовую тележку к дилижансу. Совсем скоро всадники миновали покосившийся столб с табличкой: «Резервация. Вход живым – только с разрешения администрации». Рядом валялось несколько обгорелых бревен.

– Табличку меняем в который раз, – пояснил Питер. – Как гроза – непременно сюда молния саданет. Любят молнии это место. Потому и племя зомби здесь. Встали на старом кладбище, и живут себе.

– Понятно, – кивнул Гектор, – на кладбище и церковь предков, небось, имеется?

– А как же. Только теперь она вся развалена.

– Однако башня с куполом сохранилась? То-то и оно. В башню бьют живомолнии, во время дождя все мокрое, электрически разряды проникают в землю, а электричество, как учит нас наука, является проводником информационно-витаальных сил. Великие предки опутали некогда землю информационно-витаальной сетью Священного Интернета, работавшей на электричестве, а законы природы, в соответствии с которыми она сеть создавалась, действуют поныне.

Дорога свернула из-за холма, и открылся вид на поселок углекопов. Как и полагается в приличной резервации, все было разрушено, развалено, покрыто трещинами и оплетено колючими побегами травы-камнеломки. В поселке вряд ли осталось больше десятка не провалившихся крыш, а большая часть зданий вовсе лежала в руинах. Слева высился холм, изрытый шахтными входами, едва укрепленными гнилыми брусками, справа – громада древней церкви за обвалившейся оградой. Кладбище, родина местного племени. Осыпавшиеся могильные ямы, разломанные могильные плиты, покосившиесяobelisks...

– Нам прямо, – Питер указал двухэтажное здание, – там на первом этаже вождь живет, Семь Протезов. С ним переговорите, он все покажет, а я обратно в город. Нынче дел непростой. Сегодня же пятница, а на воскресенье выборы мэра назначены. Ох, и суматоха будет послезавтра...

Навстречу всадникам стали сходитьсь обитатели резервации. Тощие, синюшные, в лохмотьях, украшенных бусами и ожерельями из костей. Многие, лишившись волос, водружали на головы высокие сооружения из перьев. Зомби, как зомби, ничего примечательного.

– Вождь у себя? – спросил Питер. – Чем занят?

– Вождь рисует охранные знаки, – ответил долговязый мертвец. – Вчера мы потеряли еще одного брата.

– Я привез хламовников, они обещали помочь.

– Краснощечные любят обещать, – буркнул долговязый. – Сами же думают лишь об одном, как бы выжить нас с родных кладбищ.

Когда приезжие добрались к резиденции вождя, Семь Протезов как раз приколачивал над входом в свой дом фанерный щит с надписью:

«Хороший зомби – мервый зомби»

– Ну, вот вам вождь, дальше с ним говорите, – бросил Питер, разворачивая крысюка.
– Рыцари Хлама, – проворчал Семь Протезов. – Ну что ж, входите в мой дом, если прибыли с миром.

– С миром, с миром, – заверил Гектор. – Шериф попросил нас поймать серийного маньяка. Так что...

Семь Протезов, не дослушав, повернулся и вошел в здание. Хламовники последовали за ним. Поведение вождя их не удивило – у мертвых свои представления о приличиях. Семь Протезов показал, что готов говорить о делах, а такие разговоры ведутся под крышей. Зомби не любят открытых мест, где над головой нет ничего. Зато любая кровля делает их уверенней, потому что напоминает родную могилу.

Внутри обстановка была соответствующая – потрескавшаяся отсыревшая штукатурка, скрипящие доски пола, трухлявая мебель... Зомби равнодушны к бытовым удобствам. Семь Протезов, усевшись за стол, монотонно вещал:

– Когда-то это была наша земля. Мы встали из нее, мы – прах от праха ее, здешний край принадлежал нам. Но пришли краснощекие, чтобы отнять землю, прогнать нас от родных могил. Мы – мирный народ, мы не желаем сражаться. Шериф Глипсон пообещал, что покуда мы добываем уголь для краснощеких, никто не тронет мое племя. До сих пор так и было. Мы копали уголь там, где краснощекие не могут. Мы не дышим, и значит, никто, кроме нас, не может работать в шахте. Однако теперь неизвестный злодей появился в резервации. Он хочет отнять у моего народа последнее, что ему осталось – нежитие.

– А разве это не славно – снова стать живым? – подал голос Бутс.

– Нет. Если бы тебя, краснощекий, лишили привычного существования, ты был бы рад? Найдите злодея, и мой народ будет благодарен. Спасите племя Красноугольской шахты.

– Мы приложим все силы, – Гектор старался говорить как можно дружелюбнее, но с опозданием понял, что на мертвяка его обворожительные улыбки не действуют. – Давайте сразу перейдем к делу. Нужно осмотреть место происшествия и поговорить с потерпевшими. Хотя бы с последним. Я слышал, накануне еще кто-то пострадал?

– Место посмотреть можно, но краснощекие не могут дышать в нашей шахте.

– Ах, да, из-за газа... значит, преступление случилось именно там?

– Да. Поэтому свидетелей нет. Бешеный Крыс работал один. Ну а чтобы поговорить с ним, придется навестить несчастного. Он теперь не может явиться сюда. И рассказать толком ничего не может – только вспомнит этот ужас, как начинает трястись и заикаться.

Бешеный Крыс хворал. Его одолевали многочисленные недуги, присущие племени краснощеких. Он то дрожал от холода, то обильно потел. Соплеменники – теперь уже бывшие соплеменники – старались позаботиться о нем, натащили в погреб, служивший обиталищем Крыса, всевозможного барахла, какое, по их представлениям, могло понадобиться живому. Укутали драными одеялами, снабдили грудой подгнивших диких яблок и кипятили для него воду в котелке. Но бедняга никак не мог оклематься.

Выглядел он, надо сказать, преотвратно. Еще не человек, но уже и не совсем зомби. У Бешеного Крыса отросла щетина, но она не прикрывала всех прыщей и язв, в обилии усеявших физиономию. Волосы, частью выпавшие, уже начали отрастать заново, так что убор из вороньих перьев он больше не носил. Кожа висела неопрятными складками, и все это усугублялось вонью – однако смердел Крыс не мертвечиной, как полагается честному зомби, от него несло немытым телом, потом и прелым тряпьем, в которое его укутали соплеменники.

Осмотрев недужного, Гектор сказал, что для больного лучший доктор – это время.

– Он сейчас беззащитен перед болезнями, потому что лишен иммунитета. Дайте срок, организм приспособится. Хотя показаться врачу все-таки не мешало бы.

Бутс ничего говорить не стал, а предложил Крысу флягу виски. Это средство оказалось действенным. Сделав большой глоток, больной перестал дрожать и заявил, что огненная вода – единственное, что хорошо в жизни краснощекого.

– Это еще что, – заверил беднягу Бутс, – вот ты попробуешь нормальной еды! Представь себе сочную вырезку филейной части крысы, да под острым соусом, да с запеченными овощами! А яблоки? Настоящие спелые садовые яблоки, не эта кислятина!

Крыс почувствовал, что его рот сам собой наполняется слюной, и встревожился – не новый ли недуг? Хламовники дружно кинулись успокаивать его и сулить дальнейшие радости жизни. Наконец жертва маньяка пришла в состояние, подходящее для серьезной беседы. Бутс заверил Крыса, что флягу тот может оставить себе и лечиться понемногу – это помогло бедняге более или менее связно пересказать свою печальную историю.

Дело было вот как – он, как обычно, прикатил вагонетку в забой и принялся рубить уголь. Работа привычная, темно, как в могиле, вода где-то рядом каплет – благодать! Крыс и по сторонам не смотрел, знай себе трудился – а потом вдруг ему на голову накинули мешок, куда-то поволокли... совсем недалеко. Его повалили, кто-то сел сверху, Крыс ощутил, как в тело вонзается холодное и острое ... Боли не было, потому что мертвякам такие уколы нипочем. А вот дальше – дальше он сквозь окутывающую голову мешковину услышал звук трубы, а хриплый голос произнес какие-то странные слова, что-то вроде: «Встань, воин Добра!»... и вот тут-то с ним началось по-настоящему страшное. В место, куда укололи холодным острием, стало вливаться нечто обжигающее, бурлящее и клопочущее, в голове заорали тысячи голосов, все тело стало зудеть и чесаться, Крыс вмиг ощутил боль от множества ушибов и порезов, какие выпали его бедному мертвому телу. Теперь он почувствовал их разом, одновременно. Он был жив! Он страдал всеми проклятыми недостатками, присутствующими краснощеким!

Расстроенный бывший мертвец снова приложился к фляге Бутса, утерся и закончил:

– Вот как оно было, добрые рыцари. Чтоб мне лопнуть!

Хламовники переглянулись. Последняя тирада была совершенно не свойственна зомби, но Бешеный Крыс произнес ее буднично, как будто эти слова давно вошли у него в привычку.

– Я должен кое-что проверить, – сказал Гектор. – Тебе, парень, мы уже вряд ли сумеем помочь...

– Разве что прирезать и привязать к шпилью на башне, да надеяться, что тебя сызнава шарахнет живомолнией, – добавил Бутс.

Эта перспектива Крысу не понравилась, но только-только начал отыскивать приятные стороны своего нынешнего состояния.

– Но мы попытаемся помочь твоим соплеменникам, – закончил свою реплику Гектор.

Покончив с допросом, хламовники отправились осматривать шахту. Внутрь они, разумеется, не совались, поскольку не имели подходящего снаряжения. В любом случае, им не поймать злодея в штольнях – наверняка он лучше рыцарей знает лабиринт коридоров внутри горы. Оставалось надеяться, что он хотя бы изредка выходит на поверхность.

Скинув белые плащи, приятели обследовали несколько входов. Навстречу попался зомби с вагонеткой – деревянным коробом, скрепленным для прочности стальными полосами и поставленным на неуклюжие колеса. Без особой охоты мертвяк объяснил, что знает не меньше десятка штолен, по которым можно добраться к угленосному слою. Искать среди них тот, которым пользуется маньяк, бессмысленно, все равно не угадаешь. Подумав немного, Гектор заговорил:

– Подведем итоги. Что нам известно?

– По-моему, равным счетом ничего, – равнодушно отвечал Бутс.

– Ничего и еще немного сверх того. Мне не дает покоя звук трубы. Зрящий, когда поминал грядущий Конец Времени, упоминал трубы, которые призовут всех на бой.

– Я не удивлюсь, если эти проделки с зомби – его рук дело. Но доказательств у нас нет. И потом, как он с приятелями может охотиться на зомби в шахте? Ему-то дышать надо!

– Мне нужно наведаться в Красный Угол, – решительно заявил блондин. – Если мои догадки подтвердятся, у нас появится зацепка.

– Валяй, ищи зацепку. Я поброжу здесь немного. В шахте дышать нельзя, и если злодей – человек, он должен иметь здесь поблизости логово. Вот и поищу его.

Рыцари церемонно пождали друг другу руки и обменялись пожеланиями удачи.

* * *

По пути Гектор обдумывал происходящее в Красном Углу и пришел к выводу, что нужно спешить. В городок он примчался галопом, проскакал, разбрызгивая грязь, по улицам, и остановил взмыленного крысюка у мэрии. Там ему попался на глаза один из помощников шерифа.

– Где шеф? Или хотя бы Питер?

– Шеф у себя, ему нездоровится... А Питер занимается предвыборной агитацией.

– Нездоровится? Видимо, после вчерашнего?

– Ничего, мистеру Глипсону не впервой, – заверил помощник шерифа, – он куда крепче прежнего мэра, оклемается.

– Тогда мне нужно разыскать Питера. Необходим помощник, я не знаю вашего города.

– Так давайте я провожу, – вызвался парень. – Шеф велел помогать во всем. Куда желаете?

– В больницу. Я хочу осмотреть пострадавших от эпидемии.

Городская больница располагалась на окраине, идти пришлось минут двадцать. По дороге встретился Питер – заместитель шерифа вышел из лавки, потирая кулак. Гектор заметил, что костяшки пальцев рассажены, а на широком лице Питера подсыхают мелкие капельки крови. Здоровяк сказал, что не может бросить дело, у него еще семь адресов на сегодня.

– Агитация – первое дело перед выборами, – важно объяснил он, – вот пусть Крес вас сопровождает.

Крес кивнул и повел хламовника дальше. В больнице он представил Гектору доктора Куперта – седенького старичка в пенсне.

– Вчера как раз доставили еще одного пострадавшего, – объяснил врач, – но он не в состоянии говорить. Они приходят в себя на второй-третий день, да и после этого не сразу способны к нормальному общению. Плохо узнают окружающих, не могут припомнить некоторых слов, путаются в падежах... Идемте, я провожу. Сами поглядите.

Больной лежал на койке, укрытый одеялом до подбородка. Глаза были закрыты, бледное лицо спокойно.

– Когда придет в себя, будет вялым, реакции заторможены, общая слабость, зрачки сужены, – пояснил Куперт.

– Как будто душу из него вынули?

– Ну... если выражаться не медицинским языком, то примерно что-то в таком роде я бы и сказал. Хотя никаких видимых повреждений, никаких симптомов...

– Хорошо. Проводите меня к предыдущему. Крес, пригласи сюда мисс Конвергенцию, мне нужно кое-что у нее спросить. Только вежливо, вежливо! Это не имеет отношения к предвыборной агитации.

– Это мы понимаем, – ухмыльнулся Крес. – Такая славная мисс, зачем ее агитировать?

– Мистер Сезански, – представил врач хламовнику другого больного, – этого доставили два дня назад, и он уже начал приходить в чувство.

– Мне паршиво, доктор! – сварливо заявил Сезански, плешистый немолодой мужчина с испитой физиономией. – Дайте виски, и я мигом оклемаюсь. Просил же виски, а вместо этого вы приводите ко мне этого верзилу. Он, конечно, представительный парень, но, в отличие от виски, не может мне помочь!

– Я рыцарь Хлама, – с достоинством заявил Гектор, – и помочь как раз могу. Например, я берусь убедить доктора налить вам на три пальца отборного виски.

– Но мистер Сезански нуждается в...

Гектор украдкой подмигнул доктору:

– Разумеется, разумеется! Нуждается в покое и уходе. Однако я ручаюсь, что виски больному не повредит. А пока вы нальете, я задам ему несколько вопросов.

– Рыцарь Хлама, надо же! – фыркнул Сезански. Он, вероятно, хотел, чтобы его слова звучали язвительно, но говорил вяло, без выражения. – Ладно, вываливайте ваши вопросы. Если они мне не понравятся, я попрошу доктора вытолкать вас вон, чтобы не выходило мучение тяжело больным людям!

– Итак, мистер Сезански, прежде чем свалиться от хвори, вы сидели, как обычно, в салуне...

– Что мне лопнуть! Именно там я и сидел, как подобает честному человеку! И оставьте ваши грязные намеки! – монотонно забубнил больной. – Я вообще пью очень мало! Практически не пью! Совсем, можно сказать, не пью!

– Выпив небольшую порцию виски, приличествующую честному человеку, – невозмутимо продолжал хламовник, – вы направились к себе. По дороге... впрочем, я думаю, вы плохо помните, что случилось по дороге.

Появился доктор Куперт со стаканом. Сезански, только безразличный ко всему, слегка оживился и протянул руку, не забывая ворчать:

– Вот еще! Не помню! Я отлично все помню. Я же не был пьян! Все я помню...

– И звук трубы помните?

– Помню, чтоб мне лопнуть! Дайте же наконец виски и проваливайте, док. И вы, мистер рыцарь, проваливайте тоже. Уф-ф... – Сезански одним глотком влил в себя содержимое стакана и выдохнул. – Я устал. Спать хочу. Проваливайте все и дайте виски сделать свое дело, помочь моему несчастному организму, пока он будет спать.

Гектор, не прекословя, встал и направился к выходу, подталкивая врача. Переступая порог, он оглянулся – Сезански уже спал. Он был так слаб, что глоток спиртного подействовал как снотворное.

Тут объявился Крес с мисс Конвергенцией. Завидев Гектора, девушка зарделась и учтиво спросила, чем она может быть полезна славному мистеру рыцарю. Хламовник попросил ее взглянуть на пациента, которого ему показали вначале – того, что был доставлен последним. Разумеется, Конни узнала в нем вчерашнюю жертву – забулдыгу, которого преследовали двое неизвестных в накидках с капюшонами.

– Кое-что проясняется, – глубокомысленно произнес Гектор, – значит, они подстерегают пьяных, покидающих салун.

– Кто – они? – тут же спросил помощник шерифа.

– Вот это нам и предстоит выяснить. Ступай, Крес, твоя помощь мне пока что не требуется. Если я понадобится шерифу или Питеру, пусть ищут меня в представительстве Ордена. И мой партнер, мистер Бутс, пусть направляется туда же по возвращении в Красный Угол.

Конни набралась смелости и вызвалась оказать помощь не только как свидетель.

– Если вдруг что-то понадобится, я готова... то есть... как бы это сказать... помочь правому делу...

Гектор вежливо ответил:

– Благодарю, мисс, вы весьма самоотверженны.

Сопровождаемый самоотверженной мисс Конвергенцией, Гектор явился в местное представительство Ордена и первым делом поинтересовался, составлялся ли здесь каталог собранного Хлама предков. Особенно Гектора интересовали те раритеты, что были накануне похищены. Имелись ли среди них Благословенные Противогазы? Остис, несколько удивленный напористостью собрата, предъявил тетрадку, в которой были тщательно перечислены и пронумерованы собранные им экспонаты. Среди безликих «штучка медная, неизвестного назначения, весом в три унции» и «некий предмет из красной субстанции, не ясно для чего нужный, но несомненно свидетельствующий об утонченном образе жизни», Остис нашел «маска резиновая с глазами из стекла – 3 шт.» Пометка красными чернилами свидетельствовала о том, что три маски были похищены.

– Отлично! – заявил Гектор. – Все сходится.

Тут в представительство явился шериф, сопровождаемый Питером. Последний явно столкнулся с трудностями в предвыборной кампании – его рука была забинтована, а под глазом наливался лиловый синяк. Может, это и повлияло на настроение Глипсона, шериф был не в духе и тут же напустился на Гектора:

– Что за слухи вы распространяете, добрый рыцарь? После вашего посещения больницы по Красному Углу поползли слухи, что неведомая эпидемия косит исключительно тех, кто выпивал в салуне.

– Ничего такого я не говорил!

– Но народу рты и уши не заткнешь! Вы высказались в том смысле, что все жертвы болезни выпивали в салуне, горожане домыслили остальное! А ведь я обещал выпивку всякому, кто проголосует за меня! Это важная составная часть предвыборной агитации!

Гектору пришлось оправдываться: он проводит расследование, тут невозможно молчать, приходится задавать вопросы свидетелям... под конец он сообщил, что надеется прекратить эпидемию и заодно найти похищенное из представительства Ордена. Разумеется, при помощи шерифа и его славных помощников, это также послужит дополнительным аргументом на выборах. Последнее несколько утешило Глипсона, и он доверительно сообщил, что в салуне у него тоже доля, так что ему весьма желательно, чтобы заведение функционировало бесперебойно. Хотя сегодня туда вряд ли кого заманишь, даже отпетые пьянчуги – и те напуганы.

Шериф удалился, а Гектор при помощи Остиса и образованной мисс Конни стал разбираться в списке похищенного. Резиновые маски и прилагающиеся к ним артефакты – это ясно... но для чего могли служить прочие вещицы предков, унесенные злоумышленниками? Например, несколько серебряных ложечек? Или Священный Аккумулятор? Все трое – оба хламовника и Конни – стали наперебой строить предположения, что можно соорудить из похищенного. За этим занятием и застал их Бутс, явившийся в представительство с большим мешком, вымазанным угольной пылью. Плащ хламовника тоже был порядком испачкан.

Бутс вывалил добычу на стол – прямо поверх листов с записями.

– Глядите, – буркнул коротышка, – вдруг что и признаете...

Остис принялся ахать и разводить руками – большая часть добычи Бутса была ему знакома, это и были похищенные реликвии, в том числе Благословенные Противогазы. В количестве именно трех штук.

– Я нашел тайник, – гордо объявил Бутс.

– Зря ты забрал оттуда барахло, – заметил Гектор. – Пропажа встревожит злодеев. Они поймут, что мы знаем о них слишком много... и... даже не знаю, что предпримут в таком случае. Нужно было действовать осторожнее.

– Ну я ж не знал, – коротышка ничуть не смутился, – всякая там осторожность и предусмотрительность – это больше по твоей части. А я человек простой. «Нашел – тащи!» – вот мой девиз.

– Постой, постой... – Гектор задумался. – А может, ничего не потеряно? Сколько пострадавших от неведомой хвори сейчас в больнице? Семеро? Как будто, так... А скольких зомби лишилось племя Семи Протезов?

– Троих, это я как раз выяснил, – ответил Бутс.

– Один к двум, вот какая пропорция. Значит, для обращения четвертого зомби им требуется восьмой человек.

– Им?

– Ну да, ведь все три маски носят следы употребления. Втроем преступники спускались в шахту, чтобы наверняка управиться с одним углекопом. И как минимум двое, по словам мисс Конни, напали на живых здесь, в городке. Это не маньяк, это группа преступников! И мы подстережем их, когда они будут обрабатывать восьмого человека. Нужно только устроить засаду, проследить, когда пойдут от дверей салуна за новой жертвой, они же подстерегают пьяных и беспомощных!

– Легко сказать, – буркнул низкорослый хламовник, – я по дороге наслушался, что в салун нынче местные – ни ногой. Кто-то пустил слух, что от виски происходит эта самая хворь...

– Боюсь, здесь моя вина, – понурился Гектор. – Как же нам выследить злодеев... Это нужно сделать именно сегодня, пока они не обнаружили, что их тайник возле шахты опустошен...

– Знаю! – пискнула Конвергенция. – В салун отправлюсь я! Эти негодяи непременно захотят напасть на слабую женщину!

– Это слишком опасно, – попытался остановить девушку Гектор.

– Я обещала помогать рыцарям Хлама, и я сдержу слово! – торжественно отчеканила учительница. – Я буду нынче в салуне с вашего согласия или без того!

* * *

Шериф Глипсон наведлся в представительство еще раз, чтобы узнать, как продвигается расследование. Кстати, он пожаловался, что салун нынче пуст, а ведь к этому часу, как правило, хотя бы десяток клиентов, а бывает.

– А что Зрящий и его приспешники? – как бы невзначай поинтересовался Гектор.

– Так это он преступник? – шериф оживился. – Да нет, вряд ли. Он со своей шайкой то ли убрался из города, то ли затаился где-то в заброшенных домах на окраине. Я его, паразита, хорошо изучил! Объявится в воскресенье под утро, чтобы выставить свою кандидатуру на пост мэра. Вот запомните мое слово, до того срока его никто не увидит!

– А последователи?

– Эти-то? Кто пропал вместе с ним, а кто возвратился по домам. Твердят, что раскаялись... что речь мистера Гектора вернула их на истинный путь... врут, конечно. За парочкой особо рьяных присматривают мои люди. Однако ничего подозрительного. А жаль, обвинить бы их в преступлении, это произвело бы на граждан отличное впечатление. Народу по душе, когда в воскресный или праздничный день кого-нибудь осудят. Казнь преступника всегда отличное дополнение к любому торжеству, а уж к выборам мэра особенно!

– Но сейчас обвинить их не в чем? – уточнил Бутс.

Глипсон с видимым сожалением развел руками. Он бы и рад, да не выйдет. Когда он ушел, Гектор с Бутсом переглянулись. Конни истолковала их взгляд верно и тут же поднялась с места:

– Я иду в салун! И не появляйтесь там, не то спугнете преступников!

– Бедное храброе дитя, – прочувствованно произнес Гектор, когда Остис запер дверь за девушкой.

– Такими их воспитывают в наших приютах, – заметил старик.

– Ай, бросьте, братья, – Бутс зевнул и задумчиво почесался. – В приютах воспитывают в строгости, это верно. Вот храброе дитя и хватается за первый же подходящий повод, чтобы наведаться в салун. Бедняжка, небось, мечтала об этом и боялась признаться самой себе. Ну а теперь у нее отличная причина ввергнуть себя в бездну. Для благого-то дела как не напиться! Я ее отлично понимаю, потому что сам прогулялся бы в салун. К своей старой доброй фляге я теперь и прикасаться не стану – после того, как из нее лакал Бешеный Крыс.

– Ты же сам его угостил!

– А что было делать? Дал ему глотнуть, а после пожалел, да было поздно, вот и оставил виски Крысу. Кстати, он собирается сюда, в Красный Угол. В больницу. Он же теперь один из нас... хотя и не самый пригожий.

* * *

Мисс Конни отправилась в салун – и оказалась там едва ли не в одиночестве. Слухи о том, что причиной загадочной болезни может стать вечер в этом заведении, мигом облетели Красный Угол. Конвергенция устроилась на высоком табурете у барной стойки и храбро заказала «капельку виски». Она страшно смущалась – а как иначе, ведь подобное заведение она посещала второй раз в жизни. В приюте строгие наставницы вдалбливали девицам в головы, что салуны – источник мерзости, самое грязное место на свете, гнездо греха и скверны. Лишь окончив обучение, Конни с подружками набрались храбрости, чтобы посетить сей мерзостный притон. Разумеется, они выбрали для эксперимента самое респектабельное заведение подобного рода, какое имелось в Мусор-Сити, явились туда большой компанией и отважно вкушали грех на протяжении получаса, после чего сбежали, считая, что приобрели достаточный опыт.

Сейчас девушка была одна и уж, конечно, грязный красноугольский салун не шел ни в какое сравнение с чистенькой ресторацией в Мусор-Сити. С другой стороны, народу сегодня было немного, и тишину в салуне нарушали лишь негромкие разговоры малочисленных посетителей да звучный шорох тряпки. Бармен старательно полировал стаканы, чтобы побороть смутную тоску, которая охватила его при виде пустого зала. Впервые на памяти этого честного человека зал пустовал.

Конвергенция оглядывалась в поисках злобных преступников, но ни одного подозрительного лица не обнаружила. Вернее сказать, все были подозрительны в равной степени. Имелось двое разбойного вида молодцов, в которых бармен признал соглядатаев из шайки Черного Боба. Эти были вне подозрения, поскольку явились в город только сегодня и не могли быть замешаны в прежних преступлениях.

Имелось трое стариков, которые пили пиво и были полностью увлечены карточной игрой.

Имелся сизоносый забулдыга, медленно тянувший виски через соломинку. Больше в зале не было никого.

Конвергенцию побеспокоили лишь раз – сизоносый, разглядев у стойки девицу, просипел:

– Какая славная барышня! Жаль, что у меня нет детишек, такой учительнице я бы доверил свое чадо с легким сердцем! Наставник, который пьет виски, не научит детей плохому!

Вскоре он начал клевать сизым носом, в конце концов, когда уронил голову в очередной раз, соломинка сломалась. Вскоре забулдыга уже храпел. Старики-картежники вполголоса ругались, уличая друг друга в жульничестве... в общем, на роль злодея-воскресителя не в зале подходил никто, Конни пила маленькими глотками, морщилась, и пила снова – просто потому что заняться было более решительно нечем. Прикончив свою крошечную порцию, она повторила заказ, вкус виски больше не казался отвратительным. Потом она удвоила ставки, и погруженный в меланхолию бармен налил ей уже не «капельку», а «два раза по столько»... Конни уже совсем освоилась в логове греха.

Когда стемнело, Бутс, скинув приметный белый плащ, обошел окрестности.

– Никого, – буркнул он, возвратившись к Гектору, который ожидал в укромном закутке неподалеку от салуна.

– Странно. Если злодеи следят за салуном и заранее подбирают жертву, то мисс Конни должна была показаться им вполне подходящей.

– И что?

– Она живет здесь неподалеку, я надеялся, преступники покажутся... если они подстерегают людей по дороге от салуна к дому, а тут рукой подать, всего-то пара кварталов. Они обязаны быть рядом! Может, они там, в салуне?

– Туда я тоже заглядывал. Либо приезжие, либо совершенно безобидные люди. Между прочим, наша учительница уже готова.

– В каком смысле?

– Набралась до крысиного писка.

– Бутс, ты говоришь о леди! Подбирай выражения.

– Я говорю о вдрызг пьяной леди. Сколько мы будем еще ждать? Уже скоро полночь.

– М-да... – Гектор задумался. – Что ж, похоже, здесь у нас ничего не вышло.

– Мы можем подстеречь преступников возле тайника, где я нашел артефакты, похищенные из представительства. Хотя местечко там не очень-то подходящее для приличной засады.

– Я уже думал об этом. Нет, туда злодеи не явятся, пока не обработают еще одного человека. Ловить их нужно здесь, в городе... обидно, но наш план, похоже, провалился. Пойду, помогу мисс Конвергенции добраться домой.

– Во-во, давай. Сама она сейчас вряд ли доберется, так надралась.

Гектор тяжело вздохнул, но не стал напоминать приятелю о том, что о дамах следует говорить в более пристойных выражениях.

Когда рыцарь в белом плаще появился в салуне, Конии страшно обрадовалась. Она попыталась встать ему навстречу, это ей не удалось, учительница снова плюхнулась на табурет и объявила:

– А, мистер Гектор! Слава предкам, вы здесь! А то я уж опасалась, что придется коротать вечер в одиночестве! Идите сюда, здесь наливают виски!

Гектор испустил тяжелый вздох – по его вине приличная девушка дошла до подобного состояния! Он прошел через зал, остановился перед стойкой. Конни, нежно глядя на него снизу вверх, промурлыкала запинаящимся голосом:

– Добрый джентльмен, не угостите ли даму стаканчиком виски?

– Идемте, мисс, на сегодня достаточно. В следующий раз я не допущу, чтобы вам пришлось сидеть в таком месте одной. Тогда с радостью угощу вас.

– Обещаете? – с подозрением спросила учительница. Ей вовсе не хотелось уходить, потому что казалось: вечер только начинается.

– Клянусь, – объявил Гектор и подал руку.

Конни попыталась встать и едва не свалилась на пол. Рыцарю пришлось подхватить ее и держать куда более крепко, чем диктуют приличия. Бармен, глядя вслед удаляющейся паре, скорбно покачал головой и пробормотал себе под нос:

– Какое падение! Разве можно приличной девушке так себя вести после нескольких капель виски? Нет, нет... порядочная дама может прийти в подобное состояние, разве что выпив полпинты. Увы, куда катится мир!

Гектор с едва передвигающей ноги Конвергенцией прошли по темной улице. Девушка бормотала какой-то вздор насчет того, что она не забудет об обещании хламовника, и они непременно проведут завтрашний вечер вместе, рыцарь настороженно вглядывался в каждую тень. Но улицы были пустынные, по пути не встретилось ни души. Наконец он доставил Конни к ее жилью. Она долго копалась в карманах, отыскивая ключ, потом долго пыталась попасть неуклюжей железякой в замочную скважину... Наконец ей это удалось, и Гектор провел учительницу внутрь. Он уже собирался сказать, что прощается с ней до завтра, как заметил краем глаза движение сбоку. Расплывчатые силуэты метнулись из углов, Гектор наугад ткнул локтем назад, рука попала в костлявое тело, кто-то хрипло ахнул, перед ним возник новый силуэт, рыцарь с разворота ударил кулаком. Конни, которую он больше не мог поддерживать, села на пол. Тут на голову Гектора обрушился удар дубинки, и темная комната перед ним озарилась разноцветными пятнами. Он пошатнулся, и последнее, что ему удалось услышать, был голос Зрящего:

– Отлично, сразу двое! К делу, братья, и да протрубят трубы!

* * *

Когда Гектор очнулся, револьвера на поясе не было. Затылок покоился на полу в липкой теплой луже, он понял, что это его собственная кровь, которая сочится из разбитой головы. Иначе почему все кружится перед глазами и так зверски ноет в висках? Он лежал, прижатый к полу двумя сектантами, где-то совсем рядом придушенно хрипела Конвергенция, она бы визжала от страха, но ей зажали рот. Зрящий каркал над ней:

– Падшая душа, ты не можешь быть истинным воином Добра! Напивалась в салуне, путалась с рыцарями Хлама, а они лжецы! Но твоя никчемная душонка еще может послужить великой цели. К грядущему Концу Времени я создам нового воина Добра, не пьющего, не курящего, не знающего мирских соблазнов!

Гектор услышал треск рвущейся ткани – на Конвергенции рвали одежду. Тут наконец зрение сфокусировалось, и рыцарь разглядел, что Зрящий стоит над Конни, которую держит человек в буром плаще с капюшоном. Другой заносит над девушкой серебристо блестящую в лунном свете иглу, от которой тянется толстый гибкий кабель к странному прибору у ног Зрящего. Гектор рванулся, сбросил одного из сидящих на нем злодеев, высвободил ногу и пнул второго в голову. Сектант кубарем покатился прочь. Рыцарь вскочил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.